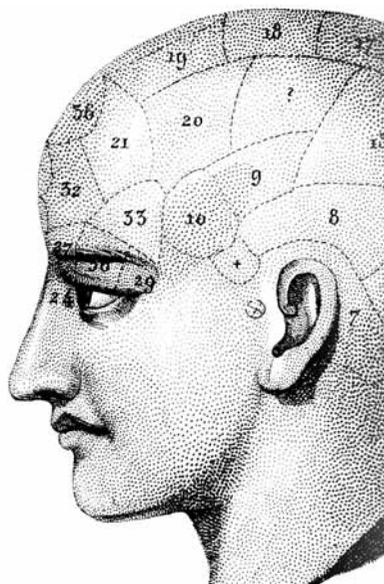

Убитый Червочкин

За что погиб подмосковный нацбол?

Олег КАШИН

Надежда Геннадьевна Червочкина по образованию — агроном, так что работает она практически по специальности, садовником у богатого человека. Что за богатый человек. Надежда Геннадьевна не говорит, но именно он одолжил ей 200 тысяч рублей, когда ей понадобились деньги на операцию для ее сына Юры. Деньги она сразу вернула, ей они негодились — все расходы возместил Гарри Каспаров, но Надежда Геннадьевна в подробности не вдавалась, говорит: «Ребята собрали нужную сумму» — и, уже обращаясь к ребятам: «Вы называетесь несогласными, а надо бы — неравнодушными. Вы неравнодушные».

«Неравнодушные» — слово плохое, заштампованное. Но человеческое равнодушие иногда и в самом деле может шокировать. Юру избili в четверг, а Надежда Геннадьевна нашла его в районной больнице только в пятницу, уже после трепанации (первая гематома, которую у него вырезали, — 80 граммов), и медсестра в приемном покое честно ей сказала: у него, мол, мобильный надрывался, поэтому я его выключила. Черт подери, мать сходит с ума, обзванивает морги и милицейские участки, а медсестра выключает надрывающийся мобильный, хотя парень в коме и наверняка его кто-то ищет. «И прописка в паспорте была указана, а паспорт у него с собой был — но никому ничего не надо», — добавляет мама.

Потом были суббота и воскресенье — выходные, врач отдыхал. Это уже три дня после избияния. В понедельник Надежда Геннадьевна встретила с врачом, врач сказал: «Вам даже Склиф не поможет, только Бурденко», но где находится это учреждение, врач не знал. Мама поехала в Москву, вначале пошла в госпиталь, потом оказалось — нужен НИИ нейрохирургии, врач оттуда приехал в Серпухов во вторник, сказал, что оперировать надо сразу, но сразу нельзя, потому что: «Сначала подпишите договор и заплатите деньги». Заплатила, подписала — это еще один день, реанимобиль (это уже шестой день комы) тоже пришлось нанимать самой; от Серпухова до Москвы «Медицина катастроф» берет 25 тысяч рублей — детей они возят бесплатно, но Юра было уже 23 года, под категорию «дети» он не подпадал.

Когда Юра уже лежал в институте Бурденко, ему понадобилась кровь, крови не было, и соратники по партии пришли в институт сдавать кровь. В приемном покое им сказали, что сегодня неприемный день и пускай приходят завтра, но Сергей Аксенов, старший по группе, сказал: «Вы не понимаете, мы такие люди, которые не уходят», и кровь, несмотря на неприемный день, у них все-таки приняли. Надежда Геннадьевна все это знает, поэтому и говорит: «Ребята, вы называетесь несогласными, а надо бы — неравнодушными».

Ребята вежливо улыбаются. Как нужно называться — решают не они, они даже в НБП не состоят, партбилетов у них нет, и никаких анкет они не заполняли. В нацболы обоих принял Юра, но и у Юры тоже не было партбилета, и когда Алексей гово-

рит, что нацболом нужно родиться, «а откроется у тебя это потом или нет – это уж как повезет», мне почему-то кажется, что он цитирует Юру.

Юрин телефон был указан на листовках, которые Юра расклеивал по Серпухову. Когда Алексей – тогда еще вполне аполитичный рабочий одного из местных заводов – увидел листовку «Национального бюро путешествий» (с момента запрета Национал-большевистской партии у аббревиатуры НБП – добрый десяток разных расшифровок), он зачем-то написал телефон, зачем – не знает сам, но потом, месяца через два, когда кто-то из приятелей взял у него покататься мотороллер и разбил его, Алексей вначале разозлился, потом загрустил: Боже, мне двадцать пять, у меня нет ни одного нормального друга, а потом вспомнил о том телефоне и позвонил Юре («Хотел расширить круг общения»), ну и пошло-поехало.

У Романа похожая история – увидел телефон на листовке, позвонил просто так – «решил поприкалываться над лохами, которые на политике повернуты». Встретились с Юрой, но поприкалываться не удалось – до Романа докопались какие-то гопники, и Юра, знакомый с Романом к тому моменту минут двадцать, сразу за него впрягся, противнику пришлось спасаться бегством, а Рома «сразу понял, что Юра – такой пацан, с которым можно идти в разведку».

Разведка, в которую они ходили с Юрой, выглядела достаточно скромно – парни клеят по городу (чаще только по городу, но иногда выезжают и в Москву – когда перед маршами не хватает рук) стикеры и листовки «Другой России». «Ну еще, конечно, мы проводим акции прямого действия», – важно добавляет Алексей, я оживляюсь, представляя себе «ненасильственные захваты» государственных учреждений и перформансы на официальных мероприятиях, но Алексей поясняет, что акции прямого действия по-серпуховски – это когда уже после смерти Юры парни ходили ночью по городу и писали краской на стенах: «Юра – помним» – и даты его жизни. Собственно, единственная настоящая акция прямого действия – это когда Юра вместе с какими-то одинцовскими нацболами во время подмосковных выборов ворвался на избирательный участок в Одинцове и разбросал листовки с лозунгом «Ваши выборы – фарс».

Акции прямого действия по-серпуховски – это когда уже после смерти Юры парни ходили ночью по городу и писали краской на стенах: «Юра – помним» – и даты его жизни

После этой акции Юра месяц просидел в одинцовском СИЗО (Роман говорит не «просидел месяц в СИЗО», а «был политзаключенным»). Еще однажды нацболы попытались вывесить на здании вокзала пятиметровый плакат «“Единая Россия” – партия уродов, голосуй за несогласных!», который сам же Юра и нарисовал, но плакат был бумажный и сразу порвался, так что даже милиция не приехала – незачем было. Ну еще «Лимонку» на вокзале продают, пока милиция гонять не начинает. А больше ничего не делают. Но и Роман, и Алексей при этом уверены (да и покойный Юра наверняка был уверен), что занимаются очень важным и серьезным делом. Да и как в этом усомниться, если к ним такое внимание – Романа, например, исключили из 55-го колледжа за то, что он продавал «Лимонку». «Меня заметил на вокзале такой Свиноаренко Александр Олегович, местный фээсбэшник, все его знают. Я убежал и газету успел спрятать. Прибегаю в колледж, там меня уже ждет Свиноаренко – покажи рюкзак. А у меня в рюкзаке кроме тетрадок ничего нет, я ему радостно все показал, и он как бы в дураках остался. Ну он и пошел к директору, и на следующий день меня отчислили типа за хвосты, хотя хвостов у меня никаких не было». С этим Свиноаренко Роман познакомился еще при жизни Юры – они вдвоем клеили на улице стикеры, их остановил некто в штатском, Юра успел убежать, а Роман почему-то замешкался. Человек в штатском отвез Романа в УБОП, потом приехал Свиноаренко – «Он был слегка пьян и говорил мне, что сегодня ему тридцать девять лет и из-за меня его вытащили из-за праздничного стола, поэтому я нехороший человек».

А у Алексея недавно, перед майскими праздниками, была такая неприятность – пришел на работу, показал на вахте пропуск, вахтерша говорит – покажи рюкзак. «Ну я показываю – у меня там бутерброды и термос с кофе, обед мой. Она посмотрела, рюкзак вернула, а пропуск не отдает. Я протягиваю руку – отдай, мол, а она орать начинает: «Карарул, он меня бьет!» Я плюнул, не стал дожидаться, пока она мне пропуск отдаст, пошел так. Прошел метров десять, догоняют двое – УБОП. Заломали руки, кладут на асфальт: ты зачем вахтера избил? Протокол не составляли, но пропуск не вернули. Не знаю, пустят меня после праздников на завод или нет».

Наверное, формальной связи между этими происшествиями и политической деятельностью парней не существует, но при этом понятно, что если бы они не клеили по столбам и заборам свои стикеры, не было бы ни отчисления из колледжа, ни случая с вахтером – да и Юра был бы жив. Я спрашиваю парней, зачем им это нужно. Роман отвечает: «Я тоже в какой-то момент об этом задумался и сформулировал это для себя так: это государство не достойно того, чтобы я в нем жил. Государство, а не я, понимаешь? Жизнь государства состоит из четырех аспектов – социального, экономического, духовного и политического. И по всем аспектам жизнь у нас – говно. У меня на кожевенном заводе зарплата – 8 тысяч рублей минус налоги, у Алексея – и того меньше. Живем от зарплаты до зарплаты. А могли бы жить, как в Швейцарии, я уверен».

Спрашиваю, каким образом Эдуард Лимонов и Гарри Каспаров смогут обеспечить «жизнь, как в Швейцарии». Отвечает Алексей: «А что Каспаров? Да если бы не Каспаров, мы бы Юрку просто не похоронили». Я знаю, что это правда, и киваю.

Надежду Геннадьевну Червочкину я тоже спрашиваю, как она относилась к деятельности своего сына. «Что я могу сказать, – вздыхает мать убитого активиста; если “Другая Россия” вдруг придет к власти, ее ответ будут цитировать учебники. – Это был свободный выбор свободного человека».

Она спрашивала Юру: «Ты понимаешь, к чему это может привести?» Юра отвечал: «Понимаю». А когда начались угрозы (ей тоже звонили и говорили, что Юра «опасно ходит»), она спросила сына: «Ты понимаешь, что это не пустые слова?» – а он ответил: «Ну что ж, умрем за счастье трудового народа». «Он любил шутить, и это, конечно, была такая шутка, но вон как все получилось», – виновато улыбается женщина.

В тот день Юру опять за что-то забирали в милицию (Алексей звонил ему около пяти вечера – Юра сказал: «Я в ментовке, я перезвоню»). Когда его выпустили из отделения, он поехал в центр – в интернет-кафе «Портал» (домашний компьютер у Юры был без Интернета, а нужно было срочно передать информацию о задержании на партийный сайт). «Портал» – это самый центр Серпухова, на Юбилейной площади, в начале десятого вышел на улицу, сразу же перезвонил редактору сайта и сказал, что за ним идут двое из УБОПа, он знает их в лицо, и еще двое в штатском, которых он не знает. Больше телефон Юрия Червочкина не отвечал. Без двадцати десять кто-то из прохожих нашел Юру у входа в парк «Комсомольский» со стороны шоколадной фабрики (в газетах писали, что Юру избili у его дома, но это ошибка – десятиэтажка, в которой живут Червочкины, находится на другом краю города, в поселке бумажного комбината). «Скорая» приехала практически сразу, но в райбольнице Юре помочь не смогли.

«Юрке повезло – в кавычках, конечно, – что ему попался человек с садистскими наклонностями, – рассуждает Надежда Геннадьевна. – По голове был один удар, но в этот удар (видимо, битой) была вложена вся сила, какая только может быть в очень сильном человеке. В легких были рвотные массы – это все от первого удара. А потом били, видимо, не глядя – много ударов было по ногам, у него даже шнурки на ботинках повалились от этих ударов».

Юрия Червочкина избили 22 ноября. 10 декабря он умер. Когда Надежда Червочкина приехала в морг забирать тело сына, ей сказали, что нужна бумага из прокуратуры — разрешение на вывоз тела. Она поехала в районную прокуратуру, там ей сказали, что смогут дать такое разрешение только после того, как дело будет закрыто (дело, разумеется, не закрыто до сих пор — последний раз его продлили на три месяца 23 апреля), она сказала дежурному по прокуратуре, что не уйдет, пока не получит разрешения, дежурный вызвал наряд милиции, женщину выдворили из здания. Тогда она позвонила на «Эхо Москвы», информацию о невыдаче тела передали в новостях, выпуск которых услышал новый начальник следственного комитета по Серпуховскому району — новый человек, не местный, — и он наконец выдал нужную бумагу. 14 декабря Юру похоронили на Ивановском кладбище в Серпухове. Автобус с московскими участниками похорон несколько раз по дороге останавливали посты ГИБДД (по словам милиционеров, это была контртеррористическая операция «Автобус»), первая остановка на выезде из Москвы чуть не обернулась задержанием всех пассажиров автобуса, но потом кто-то кому-то позвонил (я лично знаю двух чиновников, которые утверждают, что проезд автобуса — это их персональная заслуга), и автобус все-таки проехал. По дороге от дома Червочкиных к кладбищу похоронную процессию остановили в последний раз, и милиционер спросил, кто организатор мероприятия. «Имейте совесть, это не мероприятие, а похороны», — ответила одна девушка. «Милиционеру, видимо, стало стыдно, он замолчал и больше нас ни о чем не спрашивал», — говорит Алексей.

Никаких комментариев по делу Червочкина представители подмосковного УБОПа не дают. Из официальных лиц историю прокомментировал только начальник следственного отдела Мособлпрокуратуры Олег Целепоткин во время допроса Алексея Сочнева, того самого редактора партийного сайта, которому Юра звонил за несколько минут до того, как его избили. В пересказе Сочнева слова Целепоткина звучат так: «Ну, вы сами понимаете, что УБОП не стал бы вчетвером нападать. Если бы мне было надо, я бы товарища (Червочкина. — О. К.) позвал и... Тут явно не они». И далее: «Только из этого (из допроса убоповцев. — О. К.) ничего не выйдет. Они же, как врачи — никто никого никогда не сдаст. Порука. Наверняка уже все придумали, обговорили. — Что же, невозможно что-либо выяснить, найти виновных? — Тут нет. За руку не поймали, значит, ничего не выйдет».

Газета «Ведомости», подводя итоги 2007 года, назвала Юрия Червочкина «жертвой года» — «жизнь, отданная за убеждения, заставляет уважать эти убеждения не только фрондерствующую интеллигенцию, но и равнодушных обывателей и власти, против которых убеждения жертвы были направлены»

Газета «Ведомости», подводя итоги 2007 года, назвала Юрия Червочкина «жертвой года» — «жизнь, отданная за убеждения, заставляет уважать эти убеждения не только фрондерствующую интеллигенцию, но и равнодушных обывателей и власти, против которых убеждения жертвы были направлены». О каких убеждениях идет речь, газета не поясняет, потому что, с одной стороны, «жить, как в Швейцарии» и «по всем аспектам говно» звучит гораздо менее торжественно, чем просто «убеждения», а с другой — и так понятно, что это за убеждения. На автобусных остановках и фонарных столбах в центре Серпухова до сих пор болтаются прошлогодние стикеры «Другой России» — «Голосуй за Герашенко, Каспарова и Лимонова!»; наверное, какие-то из них клеил сам Юра. Если не считать случая на избирательном участке в Одинцове, стикеры на столбах и остановках — это, строго говоря, вся политика, которая была в жизни у Юрия Червочкина. А то, что этой «политики» оказалось достаточно для того, чтобы парень отдал за нее жизнь, — это уже совсем другая политика, которая выходит далеко за пределы «Другой России».